

Дина Якшина

ПРОГУЛКИ ПО КЁНИГСБЕРГУ

Улица М. Гейде в г. Кёнигсберге
1900 г. Фотография г. Я. Яковлева

Дина Якшина

Прогулки по Кёнигсбергу

«ЖИВЕМ»

2010

УДК 947(092)

ББК 63.3(4Гем-9Пру-2Кен)яб1

Якшина Д. В.

Прогулки по Кёнигсбергу / Д. В. Якшина — «ЖИВЕМ», 2010

Более 10 лет в газете «Новые КОЛЁСА Игоря РУДНИКОВА» под рубрикой «Прогулки по Кёнигсбергу» печатаются статьи, посвящённые истории нашего города. Из более чем 500 очерков-прогулок для книги мы выбрали 34 – грустных и весёлых, трагических и эпических. В главах – зарисовки обычаев и быта кёнигсбержцев, основанные на исторических фактах, легендах и преданиях: мода и архитектура, полиция, военные и пожарные, рестораны и кафе, университет и школы, историческая связь Кёнигсберга с Россией и многое другое... Фотографии Кёнигсберга и иллюстрации художника С. Фёдорова, сделанные специально для этой книги, дадут нам возможность представить этот город-«Атлантиду».

УДК 947(092)

ББК 63.3(4Гем-9Пру-2Кен)яб1

© Якшина Д. В., 2010

© ЖИВЕМ, 2010

Содержание

Что такое «Прогулки по Кёнигсбергу»?	8
Кёнигсберг и Кнайпхоф	11
Остров наместника	12
Тучный Купидон	13
Прегельская арка	14
Сапожник Ганс Заган	15
Улица Хлебных Лавок	16
Дурак не унесёт	17
«Вспомню Москву, – так бы сжёг её...»	18
Колокол «Иоганнес»	19
Иоанн-креститель	20
«Встреча на Эльбе»	22
Сердце Кёнигсберга	24
Хуфен	24
Луизенваль	25
Амалиенау	26
Тиргартен	28
Бегемот Ганс	29
Кинотеатр «Скала»	30
Обломок «Атлантиды»	31
Семь мостов Кёнигсберга	33
Зря топтать башмаки	34
Лавочный, Зелёный и Кузнечный	35
Потроховый, Высокий и Деревянный	37
Императорский и Медовый	38
Железнодорожный и Берлинский	39
Монстр поперёк проспекта	40
Каменная дамба Кёнигсберга	42
Язычники и король	43
«Запри этот край от бунтовщиков»	44
«Порядочная церковь»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дина Якшина

Прогулки по Кёнигсбергу

Благодарим Областную клиническую больницу, музей «Фридландские ворота» за предоставленные фотоизображения Кёнигсберга

Материалы для издания предоставлены газетой «Новые КОЛЁСА Игоря РУДНИКОВА»

© Д. Якшина, 2010

© С. Фёдоров, художник, 2010

© Газета «Новые КОЛЁСА Игоря РУДНИКОВА», 2010

© ООО «Живем», составление, оформление, 2010

* * *

Что такое «Прогулки по Кёнигсбергу»?

Конечно же, это не путеводитель по «историческим местам» – скорей, поиски Атлантиды, здешней, своей. Это – объяснение в любви, написанное по-русски готической вязью. Хрустальная мечта, прянично-марципановые грёзы, рождественские сны об исчезнувшей цивилизации... Это – ОБРАЗ ГОРОДА.

Японцы, переведя на свой язык ИСТОРИЧЕСКИЙ роман Пушкина «Капитанская дочка», назвали его «Сон бабочки, порхающей вокруг цветка». Можно ли сказать, что они погрешили против истины? Или истина открылась им с какой-то своей – особенной – стороны?..

У каждого, кто родился и вырос в Калининграде, кто приехал сюда недавно, – свой Кёнигсберг. Свой образ, в котором смешалось решительно всё: черепичные крыши, ветер и дождь, запах мокрой сирени за окном, сказки Гофмана, занавески в крупную красную клетку, фарфоровая балерина, стоявшая некогда на чьём-то камине, бронзовые, потускневшие от времени дверные ручки, умильное МУРРчание кота, булочки с корицей и тмином, горячий кофе – и «шмайсер» под кроватью. А главное – непоколебимая уверенность в том, что Кёнигсберг-Калининград исключителен, неповторим и парадоксален, другого такого города ПРОСТО НЕТ.

Мы «гуляем» по нашему городу много лет. Нас «сопровождали» самые разные люди – всем им большое спасибо. Но главные наши спутники – читатели. Живущие с нами на одной волне. Им, в первую очередь, и адресована эта книга.

Дина Якшина

Кёнигсберг и Кнайпхоф

Здесь Петра Великого впервые одолела мечта о Санкт-Петербурге

Вы не боитесь призраков? Тогда прогуляемся по Кнайпхофу (ныне остров Центральный, или, неофициально, – остров Канта). Это странный, почти мистический остров. От одноимённого города, появившегося на нём в начале XIV века и впоследствии густо населённого, остались лишь Кафедральный собор и – воспоминания.

Хотя по-немецки «кнайпе» означает «кабак», с кабаками и прочими питейными заведениями название «Кнайпхоф» никак не связано. Оно восходит к старопрусскому слову «книпав», которым пруссы именовали болотистые окрестности долины древней реки.

Остров наместника

Остров Кнайпхоф образовался из наносного песка. Омывают его северный (земландский) и южный (натангский) рукава Прегеля. Кстати, первоначально он фигурировал в исторических документах как Фогтевердер. «Фогт» – наместник, «вердер» – островок, осушенный участок.

Остров был в распоряжении наместника Тевтонского ордена. Там располагались выпасные луга Альтштадта (возникшего раньше, в 1286 году).

А ещё альтштадтцы свозили на остров мусор. Не случайно первый мост, соединивший Кнайпхоф с Альтштадтом, назывался Кремербрюкке – Навозной (он же чаще именуется Лавочным).

По обеим сторонам и Лавочного и Зелёного мостов, как грибы после дождя, росли поселения торгового люда. Через Кнайпхоф и Грюнебрюкке (Зелёный мост) можно было с юга попасть в Старый город.

В 1327 году в восточной части острова было решено построить резиденцию епископа. И 6 апреля Верховный магистр Тевтонского ордена Вернер фон Орзельн даровал жителям-«островитянам» грамоту «Хандфесте», то есть городские права.

Благодаря своему «автономному» расположению, Кнайпхоф – вплоть до 1724 года, когда три города (Кнайпхоф, Альтштадт, Лёбенихт) объединились в Кёнигсберг, – развивался самостоятельно. На плане отчётливо видно, какая ровная сетка улиц покрывала Кнайпхоф, – тогда как в Альтштадте и Лёбенихте улочки извивались змейками: там приходилось при постройке домов учитывать особенности рельефа.

Альтштадт считался аристократическим местом, там охотно селились королевские придворные, родовитые дворяне... В Лёбенихте жители занимались преимущественно сельскохозяйственным трудом. В Кнайпхофе были сосредоточены судовладельцы и купцы.

Тучный Купидон

Существовала даже поговорка: «Альтштадт – это власть, Лёбенихт – земля, Кнайпхоф – роскошь». Не случайно герб Кнайпхофа представлял собой зелёное поле, на нём – вздымающаяся над серебряными и лазурными волнами рука в лазоревом рукаве, держащая золотую корону. По бокам – два золотых охотничьих рожка. Позже появятся два медведя-щитодержателя...

Корона указывала на короля Оттокара, основателя Кёнигсберга, волны обозначали обособленно-островное положение города, способствующее развитию морского дела и торговли – двух «китов», на которых держалось благополучие города.

Как все города на землях, принадлежавших Ордену, Кнайпхоф был рассчитан на определённое количество жителей. Известно, что территория, отведённая под город, изначально была размечена как крупноячеистая решётка (где ячейки обозначали дворовые пространства). Увеличивать (или уменьшать) площадь одной застройки за счёт другой категорически запрещалось. Поэтому все дома были однотипными.

Плотно прилипшие друг к другу, рассчитанные на один подъезд, с узкой, тесной лестницей, ведущей наверх, и узкими высокими фасадами, дома отличались только декором. Купцы особенно любили украшать фасады своих домов аллегорическими фигурами. Причём на пять фигур «античных» богов и героев непременно приходился один тучный Купидон – состоятельные жители Кнайпхофа могли позволить себе это проявление сентиментальности, воплощённое в песчанике и алебастре.

Кстати, все дома в Кнайпхофе строили на дубовых сваях, которые забивали в землю так, чтобы достичь твёрдого грунта. Почва-то была чрезвычайно болотистой!

Прегельская арка

В 1355 году под руководством маршала Ордена Генриха Шендекопа вокруг Кнайпхофа были возведены городские стены – хорошо укрепленные, высотой в два с половиной метра. Наличие разводных мостов (а в дальнейшем к Лавочному и Зелёному добавились Кузнечный (Шмидебрюкке) и Потроховый (Кёттельбрюкке)) обеспечивало кнайпхофцам хорошую связь с Альтштадтом, с одной стороны, и Форштадтом и примыкающим к нему Хабербергом – с другой.

Ворота в городских стенах располагались напротив мостов, по часовой стрелке: Кремертор (Купеческие ворота, были снесены в 1752 году), Шмидетор (Кузнечные – снесены в 1736-м), Домбрюккентор («домбрюкке» – соборный мост; снесены в 1739-м), Хёнигтор (или Кирхентор, неподалёку от кирхи – церкви), Кёттгелтор («кёттель» – трубуха, внутренности).

Также имелась Прегельбоген – «прегельская арка» – между двумя домами на южном берегу (она сохранилась до 1945 года).

А самыми роскошными, по общему мнению, были Зелёные ворота (Грюнетор) в южной части острова. В конце XVI века над ними была выстроена высокая восьмиугольная башня (в 1864 году сооружение снесли при расширении Кнайпхёфше Ланггассе – самой важной на острове улицы, по совместительству – торговой дороги, которая связывала Альтштадт и Форштадт).

На южном берегу острова имелись ещё три мощные башни. Наиболее известна из них – Голубая. Первоначально она была круглая, но с острым готическим верхом.

Сапожник Ганс Заган

Голубая башня утратила свой острый готический верх в 1879 году, но в «усечённом» виде, с плоской крышей, просуществовала до 1944 года. И была разрушена во время налёта английской авиации.

Между городскими стенами и водами Прегеля оставалась свободной прибрежная полоса – здесь могли швартоваться суда (а зимой их здесь же затаскивали на сушу).

На Кнайпхофе не было рынка как такового: в качестве рыночной площади использовался участок Бродбэнкенштрассе перед ратушей, а наиболее бойкая торговля велась всё на тех же набережных.

Забавный факт: большинство евреев Кёнигсберга селились именно в Кнайпхофе – несмотря на то что ремесленники были стеснены в правах, а купцам запрещалось складирование товаров на городских складах.

Герой Кёнигсберга – сапожник Ганс Саган (Заган) – тоже имел еврейское происхождение. Он прославился в 1370 году. Тогда литовские войска решили захватить Кёнигсберг. Решающая битва состоялась при Рудау (ныне посёлок Мельниково, Зеленоградского района). Руководил войском рыцарей и ополчением трёх городов уже упоминавшийся маршал Ордена Генрих Шендекоп. В сражении он погиб. А раненный в ногу Ганс Заган подхватил упавшее орденское знамя и повёл войска в атаку.

Литовцы были разбиты. А сапожник (по некоторым сведениям – подмастерье сапожника) получил за свой подвиг, во-первых, дворянскую приставку «фон»; во-вторых, ему была дарована привилегия: каждый год в день Вознесения Христова он мог поить пивом в Кёнигсбергском замке кого пожелает. В любых количествах...

Улица Хлебных Лавок

По случаю 200-летнего юбилея города гильдией сапожников был учреждён памятник Гансу фон Загану. По итогам конкурса победителем был признан скульптор Эрнст Филитц: он предложил изваять фигуру сапожника из цветного искусственного камня. Маленькие человечки, высеченные на цоколе сбоку, с грубым комизмом иллюстрировали «право отвеживать вкус пива», дарованное Спасителю Кёнигсберга.

Памятник украшал фасад Кнайпхофской ратуши до 1934 года. После прихода к власти нацистов он был признан «вырожденческим искусством» и разрушен. Возможно, ещё и потому, что наци не могли простить фон Загану его неарийской крови.

О том, что население Кнайпхофа составляли преимущественно купцы и ремесленники, свидетельствуют и названия улиц: Кузнечная, улица Хлебных Лавок, Кнайпхофский Длинный переулок и т. д.

Дурак не унесёт

Кнайпхоф действительно процветал. В 1697 году, когда Кёнигсберг посетило Великое Русское посольство, именно на острове, в доме купца Нагеляйна, останавливался царь Пётр. Дом купца располагался на юго-западной оконечности острова и имел отличительную особенность: маленький крытый балкон, полукругом охватывавший угол здания. В дальнейшем, посещая Кёнигсберг, Пётр I всегда останавливался у Нагеляйна, а купец со временем был избран бургомистром. (Дом сохранялся в первоизданном виде до 1890 года, потом его перестроили, убрав балкон и прочие «архитектурные излишества». Но стены были живы вплоть до апреля 1945-го.)

Интересно вспомнить, как описывает первый визит Петра в Кёнигсберг Алексей Толстой (плотно работавший с историческими источниками) в романе «Пётр Первый»:

«В лучшей части города, в Кнайпхофе, для гостей был отведён купеческий дом. Въехали в Кёнигсберг в сумерках, колёса загремели по чистой мостовой. Ни заборов, ни частоколов – диво! Дома прямо – лицом на улицу, рукой подать от земли – длинные окна с мелкими стёклами. Повсюду приветливый свет. Двери открыты. Люди ходят без опаски... Хотелось спросить: да как же вы грабежа не боитесь? Неужто и разбойников у вас нет?

В купеческом доме, где спали, – опять – ничего не спрятано, хорошие вещи лежат открыто. Дурак не унесёт. Пётр, оглядывая тёмного дуба столовую, богато убранную картинами, посудой, турьими рогами, тихо сказал Меньшикову:

– Прикажи всем настрою, если кто хоть на мелочь позарится, – повешу на воротах...

– И правильно, мин херц, мне и то боязно стало... Покуда не привыкнут, я велю карманы всем зашить... Ну, не дай бог с пьяных-то глаз...»

«Вспомню Москву, – так бы сжѐг её...»

Кстати, если верить Алексею Толстому, именно тому, первому, посещению Петром Кёнигсберга Россия обязана... появлением Санкт-Петербурга.

«Пётр и Меньшиков вылезли из дормеза, разминая ноги.

– А что, Алексашка, заведѐм когда-нибудь у себя такую жизнь?

– Не знаю, мин херц, – не скоро, пожалуй...

– Милая жизнь... Слышь, и собаки здесь лают без ярости... Парадиз... Вспомню Москву, – так бы сжѐг её...

– Хлев, это верно.

– Сидят на старине, – жопа сгнила... Землю за тысячу лет пахать не научились. <...> К Балтийскому морю нам надо пробиваться, вот что... И там бы город построить новый – истинный парадиз...»

Так что Кёнигсберг – не только «родина слонов» и электричества, но и место, где Петра Великого впервые одолела мечта о Северной Пальмире (есть чем гордиться не только перед москвичами, но и перед питерцами!).

Колокол «Иоганнес»

У Кнайпхофа никогда не было собственной церкви. Поэтому архитектурной, культурной и нравственной доминантой Кнайпхофа стал Кафедральный собор. Днём его основания считается 13 сентября 1333 года.

Собор был – и это являлось достаточной редкостью – и епископской и городской церковью одновременно. И только после Реформации его передали Кнайпхофу в качестве общинной церкви.

Своей концепцией (опять-таки говоря современным языком) он обязан гроссмейстеру Тевтонского ордена Лютеру Брауншвейгскому, который забраковал идею собора-крепости. «Незачем строить вторую крепость на расстоянии полёта стрелы от Замка», – сказал он.

Под фундамент «штатского» (в смысле, лишённого оборонительной функции) сооружения было забито более тысячи дубовых свай. Первым строителем собора стал епископ Иоганнес Кларе – и в его честь большой соборный колокол будет наречён «Иоганнесом».

Стены собора изнутри были покрыты фресками и гербами. Иметь здесь изображение своего фамильного герба считалось престижным. (Стоит ли удивляться, что очень скоро внутри собора не осталось ни одного «пустого» места на стенах.) И рисовать очередные гербы приходилось на деревянных щитах, которые вывешивались в храме поверх старых изображений.

Ещё престижнее было «похорониться» в соборе. Усыпальницы знатных горожан, плиты с выбитыми на них эпитафиями – всё это, надо думать, впечатляло. Кстати, людская память коротка (хотя немецкая, безусловно, куда прочнее нашей): по завещанию названного выше Лютера Брауншвейгского, возле его могилы в соборе должна была постоянно гореть свеча.

Иоанн-креститель

Но... свеча горела недолго. А впоследствии забылось и место, где конкретно был похоронен гроссмейстер Тевтонского ордена. Тем более что в 1523 году в центре клироса Иоганнес Брисман, личный посланник Мартина Лютера, прочитал первую лютеранскую проповедь в Кёнигсберге. Так началась Реформация в Восточной Пруссии.

В 1591 году в соборе появился удивительный алтарь: распятие было установлено таким образом, что Христос как бы парил над капителью, возвышаясь до самого свода. В центре алтаря располагалась фигура Бога-Отца, за ним стояли Моисей и Иоанн-креститель. Все скульптурные изображения были выполнены из позолоченной меди – и будто бы к ним приложил свою руку Крапах-младший.

Имя создателя первого органа – неизвестно. История сохранила лишь сведения о том, что за свою работу он получил 4 марки на покупку плаща. Потом орган неоднократно менялся, делаясь всё мощнее и мощнее. А вокруг собора постепенно складывался целый городок священнослужителей... который плавно перетекал в «университетский городок»: ведь именно на острове был построен университет, получивший название Альбертина.

Зелёный мост и Северонемецкое кредитное учреждение

Набережная Кнайпхофа (юго-восточная часть), 1930 год

Герцог Альбрехт повелел хоронить университетских преподавателей у стены собора – и последнее захоронение в профессорском склепе состоялось в 1804 году. Иммануил Кант – вот кому выпала эта честь.

Потом, в 1880 году, будет построена часовня Канта, которую в 1924 году снесут – и воздвигнут вместо неё колоннаду по проекту архитектора Фридриха Ларса.

Кстати, с ней будет связан ещё один «кёнигсбергский миф»: якобы нацистский доктор Розенберг, автор «медицинской» теории о превосходстве арийской расы, специально... доставал череп Канта. И обмерял, дабы убедиться в его соответствии эталону истинно арийского происхождения. На самом деле «обмер черепа» был невозможен: в 1880 году останки Канта положили в оловянный гроб, который, в свой черёд, был вставлен в гроб металлический, накрыт базальтовой плитой, сверху которой было водружено надгробие.

«Встреча на Эльбе»

Отдельного упоминания достойна знаменитая ратуша Кнайпхофа. Построенная сразу же после основания города, она вначале состояла из трёх домов, торцами выходящих на улицу. Но в 1695 году её почти до основания «перекроили» в так называемом «нидерландском стиле Ренессанса»: с тройным членением фасада, с окнами-витринами, пилястрами, башней для колокола, фигурами на крыше, позолоченной лестницей, у основания которой держали щиты два медведя...

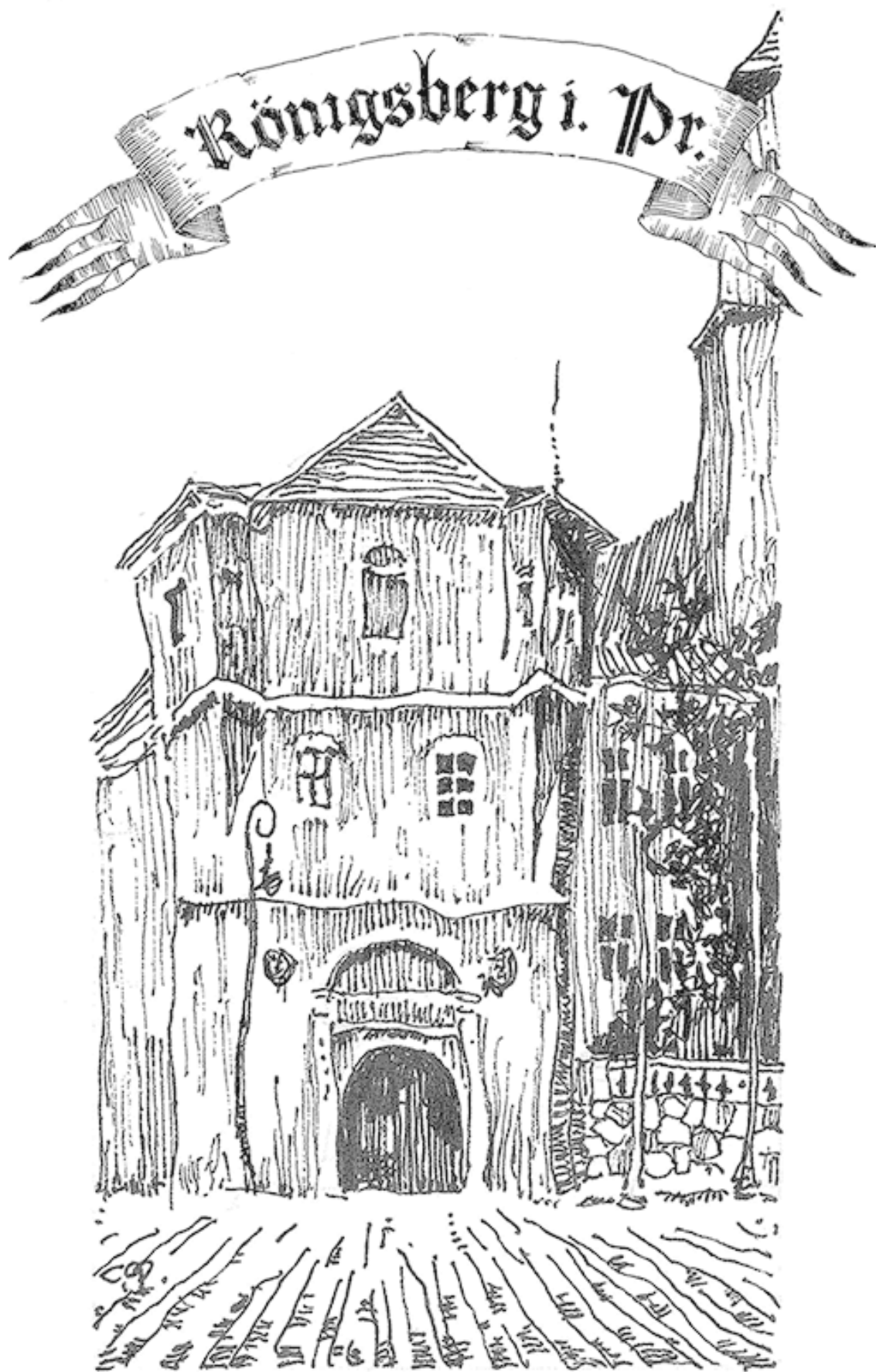
В зале магистрата был богато оштукатуренный потолок, а углы венчали мощные скульптуры – с рельефными мускулами, развевающимися драпировками – в духе входящего в моду прусского барокко. В 1724 году Кнайпхофская ратуша стала резиденцией администрации города, а в 1927-м в ней разместился музей.

После штурма Кёнигсберга в кнайпхофских подвалах вплоть до депортации жили немцы.

«Однажды все они исчезли, – вспоминает переселенка М. П. Тетеревлева. – Наверное, уходили рано утром... В подвале на стенах остались какие-то надписи, муж пытался разбирать, но понял только несколько слов. Под текстом были имена и напротив них – даты смерти. Всё такое разное у разных народов, но форма этой страшной фразы одна на всех языках: имя, чёрточка, дата...» («Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах».)

Кнайпхоф можно увидеть в советской киноленте «Встреча на Эльбе» – эта часть поверженного Кёнигсберга использовалась в качестве съёмочной площадки. А после депортации немцев сердце древнего города превратили в одну сплошную каменоломню: баржам было удобно причаливать к берегу, и стены выгоревших домов пустили на кирпич. Разобрали до основания всё – кроме Кафедрального собора. Его спас Кант – точнее, его могила.

Так что останки Кнайпхофа покоятся нынче на площади в несколько гектаров под двухметровым слоем строительного мусора и битого кирпича.

Сердце Кёнигсберга

В этой части города не было замков и крепостей. Здесь жили люди...

Хуфен

Хуфен (Hufen) – старое название северо-западной части Кёнигсберга.

С севера он ограничен железнодорожной линией «Калининград – Светлогорск», с юга – линией «Калининград – Балтийск», с востока – железнодорожной веткой, соединяющей Северный и Южный вокзалы, с запада – улицами Спортивной, Лесопарковой и Вагностроительной.

Впервые Хуфен упоминается в 1300 году как Хубен (Huben), что означает название старой меры площади, равной 12 гектарам. Хуфен принадлежал к Альтштадту, а его старейшим жителем считался альтштадтский лесничий, чей дом находился на месте сквера около современного областного драматического театра и был снесён в начале XX века.

В XIX столетии Хуфен был разделён на три части: Фордерхуфен (Vorderhufen) – Ближний Хуфен (от восточной границы округа до Беекштрассе – нынешней улицы Алябьева), Миттельхуфен (Mittelhufen) – Средний Хуфен (от Беекштрассе до Шрёттерштрассе – улицы Красной) и Хинтерхуфен (Hinterhufen) – Дальний Хуфен, позже известный как Амалиенау (район нынешней улицы Кутузова).

В 1786 году обер-бургомистром Кёнигсберга Теодором Готтлибом фон Гиппелем было куплено у землевладельца Пойнтера имение в Миттельхуфене (недалеко от современной улицы Дм. Донского). Двор поместья был скрыт в густой зелени парка, к скромному господскому дому вела аллея старых лип, высаженных вдоль Хуфенфрайграбен (нынешний Парковый ручей). На одном из деревьев, растущем на возвышенности, висел колокол, звон которого созывал дворню и домочадцев Гиппеля к обеду, а во время стихийного бедствия звучал как сигнал «SOS».

Гиппель был знатоком и ценителем изящных искусств. Вокруг дома он разбил прекрасный сад в английском стиле, а парк украсил руинами в античном духе. Чтобы попасть в свой любимый уголок в любое время года и при любой погоде, он распорядился проложить к имению дорогу, вымощенную брёвнами. Позже она превратилась в Хуфеналлее (современный проспект Мира).

Кстати, частыми гостями в загородном доме Гиппеля были философ Иммануил Кант и военный советник Иоганн Георг Шеффнер (не только честолюбивый государственный служащий, но и поэт).

Луизенваль

После смерти Гиппеля в 1796 году его имение приобрёл герр Бузольт – церковный и школьный советник, и в честь своей супруги Луизы переименовал его в Луизенваль («Луизин выбор»).

В 1806, 1808 и 1809 годах, в летние месяцы, в имении проживали прусская королева Луиза и её семья. Король Вильгельм I, будучи в 1861 году в Кёнигсберге по случаю коронации, посетил Луизенваль, где прошла часть (самая, пожалуй, безмятежная) его детства. А через одиннадцать лет он купил это имение и в самом высоком месте парка 2 сентября 1874 года открыл памятник, посвящённый матери – королеве Луизе.

Мраморный бюст королевы работы скульптора Кристиана Даниэля Рауха находился в обрамлении полуротонды, а растущая посреди другой ротонды липа напоминала о Тильзитском мире.

В 1899 году Луизенваль стал наследным имением. В этом же году состоялась закладка кирхи памяти королевы Луизы (современный кукольный театр).

9 сентября 1901 года кирха была торжественно открыта и освящена в присутствии императора Вильгельма II и его венценосной супруги. А в 1914 году имение было передано Кёнигсбергу, как сказали бы сегодня, в муниципальную собственность.

В суровую зиму 1929/30 года все фруктовые деревья в Луизенвале вымерзли, склон (Гиппелевский сад) стал горкой для катания кёнигсбергской молодёжи (собственно, там катаются и сегодня – если выдаётся морозная зима).

В 1937 году Хуфеналлее была расширена, господский дом отрезан от парка и стал использоваться в качестве приюта имени королевы Луизы.

Амалиенау

В 1820 году коммерческий советник Густав Шнель скупил все хинтерхуфенские имения и объединил их в одно. Сентиментальный, как все немцы, он назвал его в честь своей жены Амалии – Амалиенау. В 1901 году на месте этого поместья – по инициативе «Кёнигсбергского общества строительства и недвижимости» – возник пригород Амалиенау: сплошные виллы. А ещё через восемь лет у озера Близначев (современное озеро Хлебное), на месте старой кузницы, появились кафе и гостевой дом.

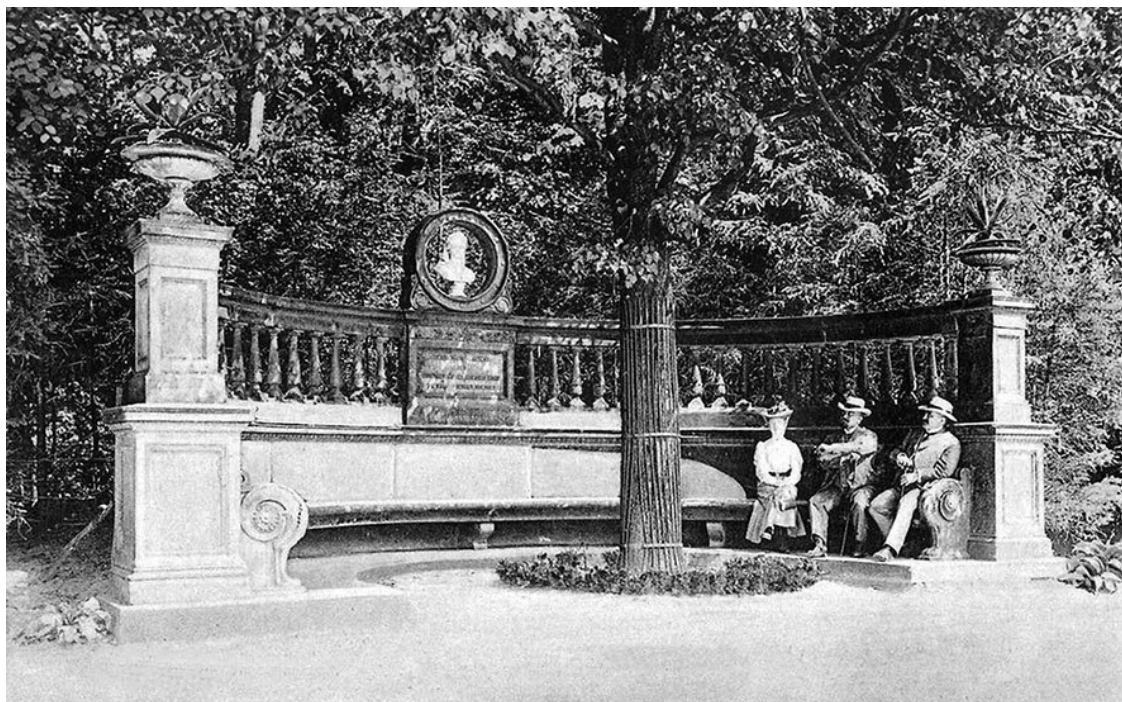
Виллы принадлежали состоятельным семьям – именно поэтому уцелели во время штурма Кёнигсберга в 1945 году. В роскошные особняки вселялись генералы и старшие офицеры Советской армии, «наследуя» всю обстановку. Даже хрусталь, благополучно переживший военные действия.

В сборнике «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» приводятся такие воспоминания:

«На улице Кутузова (бывш. Амалиенау) есть особняк, который до сих пор в народе называют дачей Баграмяна. <...> Там жил генерал с молодой женой. Самого генерала я так ни разу и не видела, а вот за его женой часто наблюдала из окна. Она выходила из дома в очень необычном для того времени виде – в брюках – и каждый день тренировала собак. Их было две. Большие овчарки.

Район Амапиенау. Капелла Святого Адальберта

Открытая беседка с памятником королеве Луизе, XIX век

Так вот, племянница жены генерала училась вместе со мной в школе, мы с ней дружили. Как-то раз она пригласила меня и моего брата на свой день рождения. Мы были в доме единственными гостями. <...> Было такое впечатление, что мы оказались в сказке. Красивая лестница, ведущая наверх, окна из цветного стекла – витражи. В гостиной, куда нас провели, стоял большой круглый массивный стол и такие же массивные кресла с высокими спинками. <...> А под столом сидели собаки. И только стоило нам пошевелиться, как они начинали злобно рычать. Мы боялись даже шелохнуться. Еда, видимо, была очень вкусной, но мы этого не почувствовали».

А ещё с «наследством» бывших жителей Амалиенау связаны вполне мистические истории. Знакомая моей матери, въехавшая вместе с мужем-«трофейщиком» в один из брошенных домов в мае сорок пятого, рассказывала, как однажды на её глазах ни с того ни с сего обвалилась полка на кухне и вдребезги разбился фарфоровый сервиз. Ни одной чашечки не осталось. Точно посуду переколотила чья-то невидимая рука.

Тиргартен

Фордерхуфен был застроен доходными домами и общественными зданиями. Жители старого Кёнигсберга даже не могли себе представить, что излюбленное место их летнего отдыха в XX веке превратится в деловой центр города, а загородные дома преуспевающих кёнигсбержцев начнут использовать в качестве гостиниц и ресторанов.

Кстати, на месте нынешнего зоопарка первоначально тоже располагалась вилла с женским именем «Фредерика». Но в 1895 году, по случаю 50-летнего юбилея «Политехнического и ремесленного союза», на территории, прилегающей к вилле, была организована «Северо-восточная немецкая промышленная и ремесленная выставка» – под руководством герра Клаасса. Накануне закрытия выставки Герман Клаасс предложил «отцам города» сохранить выстроенные деревянные павильоны для создания зоопарка. Идею поддержали.

Для зоопарка были выкуплены большой выставочный зал (в качестве концертного), портал входа, ресторан, смотровая башня...

22 августа 1895 года был учреждён Союз любителей животных «Тиргартен» – нечто вроде благотворительного общества. Его председателем стал профессор Максимилиан Браун, руководитель Зоологического института Кёнигсбергского университета, а каждый житель города мог свободно высказать в прессе своё мнение по поводу проекта.

Все сооружения – с технической точки зрения – непосредственно курировал Герман Клаасс, которого в Кёнигсберге с тех пор заслуженно называли «отцом зоопарка».

Животных в мае 1896 года поставила фирма «Хагенбек» из Гамбурга.

21 мая зоопарк был открыт. В то время его коллекция насчитывала 893 вида млекопитающих и пресмыкающихся и 262 вида птиц. А благодаря великолепному ландшафту, он очень быстро был признан одним из лучших зоосадов Европы и лучшим – в Германии.

Для местных жителей и для приезжих зоопарк являлся излюбленным местом отдыха. К услугам посетителей предлагались ресторан, винный погребок, кондитерская, читальный зал (!), десять теннисных площадок спортивного клуба «Тиргартен», игровая площадка для детей. В летние месяцы при хорошей погоде на открытом воздухе давались концерты духового оркестра, зимой музыка играла в концертном зале, вмещавшем до 2500 человек.

Напротив зоопарка четырьмя годами раньше, в 1892-м, появился стадион имени Вальтера Симона – кёнигсбергского благотворителя, прежде других почувствовавшего, что у спорта – большое будущее.

В 1896 году на Бетховенштрассе (современная улица Кирова) появилось здание Сельскохозяйственной палаты (ныне военная прокуратура).

В 1912 году в зоопарке принял первых посетителей Прусский этнографический музей, созданный по примеру знаменитого Скандинавского в Стокгольме...

Бегемот Ганс

Надо сказать, при штурме Кёнигсберга в апреле 1945-го зоопарк практически не пострадал. Хотя бои на его территории велись ожесточённые и некоторым особям – типа слона или бегемота – досталось. Первые переселенцы вспоминают, как усиленно спасали животных.

«Так, бегемот был очень старый. Я видела, – говорит А. В. Целовальникова, – возле его клетки кучу использованных ампул пенициллина. Это было импортное дорогостоящее лекарство. Его не хватало для солдат, а бегемоту его кололи в больших количествах».

В сборнике «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» приводится ещё один прелюбопытнейший документ – «История лечения бегемота», написанная зоотехником В. П. Полонским. Бумага заслуживает почти дословного цитирования:

«Бегемот. 18 лет. Рост большой. Кличка Ганс. Четыре раза ранен. <...> Тринадцать дней был без пищи и воды.

Принял лечение к бегемоту 14.04.1945 г. Впервые оказал помощь водой. В последующем попытался дать ему молока. В следующий раз – молотой свёклы. Бегемот принялся кушать. Но через три дня отказался. Я поспешил дать бегемоту водки. Дал четыре литра. После чего бегемот стал сильно просить кушать. <...> Прошло две недели. Бегемот кушает слабо. Я решил дать водки 4 литра. Бегемот стал кушать хорошо. <...> Удалось спасти бегемота, не отходя от него, через 21 день. Через один месяц и 19 дней я добился полного здоровья и сейчас занимаюсь дрессировкой – катанием верхом на бегемоте по парку».

Смешно и трогательно читать эти строки. Почему-то зоотехник Полонский представляется совсем молоденьким. Прямо видится эта картинка: как он рубит свёклу, льёт в чан водку литрами, не забывая пропустить стакан-другой – за компанию с «пациентом»... И как искренне радуется выздоровлению Ганса – наверняка совсем ошалевшего от русской водки и «диеты»... А ведь война ещё идёт. И что там позади у этого зоотехника – сожжённая хата? гибель семьи? потеря друзей? – бог весть.

Кинотеатр «Скала»

В апреле 1945-го район штурмовала 43-я армия. Кровавопролитных боёв не было. Здания пострадали в основном от действий огнемётчиков. В начале пятидесятых годов часть построек, как и по всему Кёнигсбергу, пошла на кирпич, часть была перепланирована (к примеру, из большой четырёхкомнатной квартиры делали две двухкомнатные).

Административные здания, в принципе, сохранили свой деловой профиль. Хотя и не без забавных метаморфоз: в бывшей дирекции почт разместился штаб Балтфлота, высшая школа для девочек превратилась в Дом офицеров.

Бывшие мастерские «Даймлер-бенц» (по сборке «Мерседесов») стали заводом «Кварц», авторемонтный завод (на углу Советского проспекта и улицы Яналова) занял производственные площади бывшего управления по уборке улиц (типа МП «Чистота»).

В экс-сельскохозяйственном банке (Советский проспект, 13) теперь помещаются десятки различных фирм и учреждений.

В здании страховой компании «Северная звезда» – гостиница «Москва». (Дом выгорел изнутри при штурме, но был после войны восстановлен.)

Кинотеатр «Заря» унаследовал помещение кинотеатра «Скала», построенного в 1938 году и бывшего тогда одним из самых современных в Германии. Архитектор Зигфрид Засник предусмотрел в проекте «хит сезона» – звёздное небо. Когда в зрительном зале гас свет, на потолке – под куполом – зажигались лампочки, имитируя звёзды.

Кстати, по словам актрисы Ренаты Литвиновой, приезжавшей в Калининград на премьеру фильма «Небо. Девушка. Самолёт», обновлённая «Заря» хорошо известна в отечественных и зарубежных кино кругах. Из-за стилизованного под предвоенную действительность интерьера фойе наши киношники называют «Зарю» «тем самым фашистским кинотеатром, где была мировая премьера “Титаника”», и выстраиваются в очередь для того, чтобы проверить на нашем зрителе свои новоиспечённые шедевры. Так что нередко премьерный показ фильма в «Заре» осуществляется раньше, чем в московском Доме кино.

Обломок «Атлантиды»

В Хуфене работал ещё один кинотеатр – «Шаубург» (там, где сегодня пересекаются улицы Карла Маркса и Пугачёва), но... его разобрали на кирпич. Сейчас на его месте – пятиэтажки.

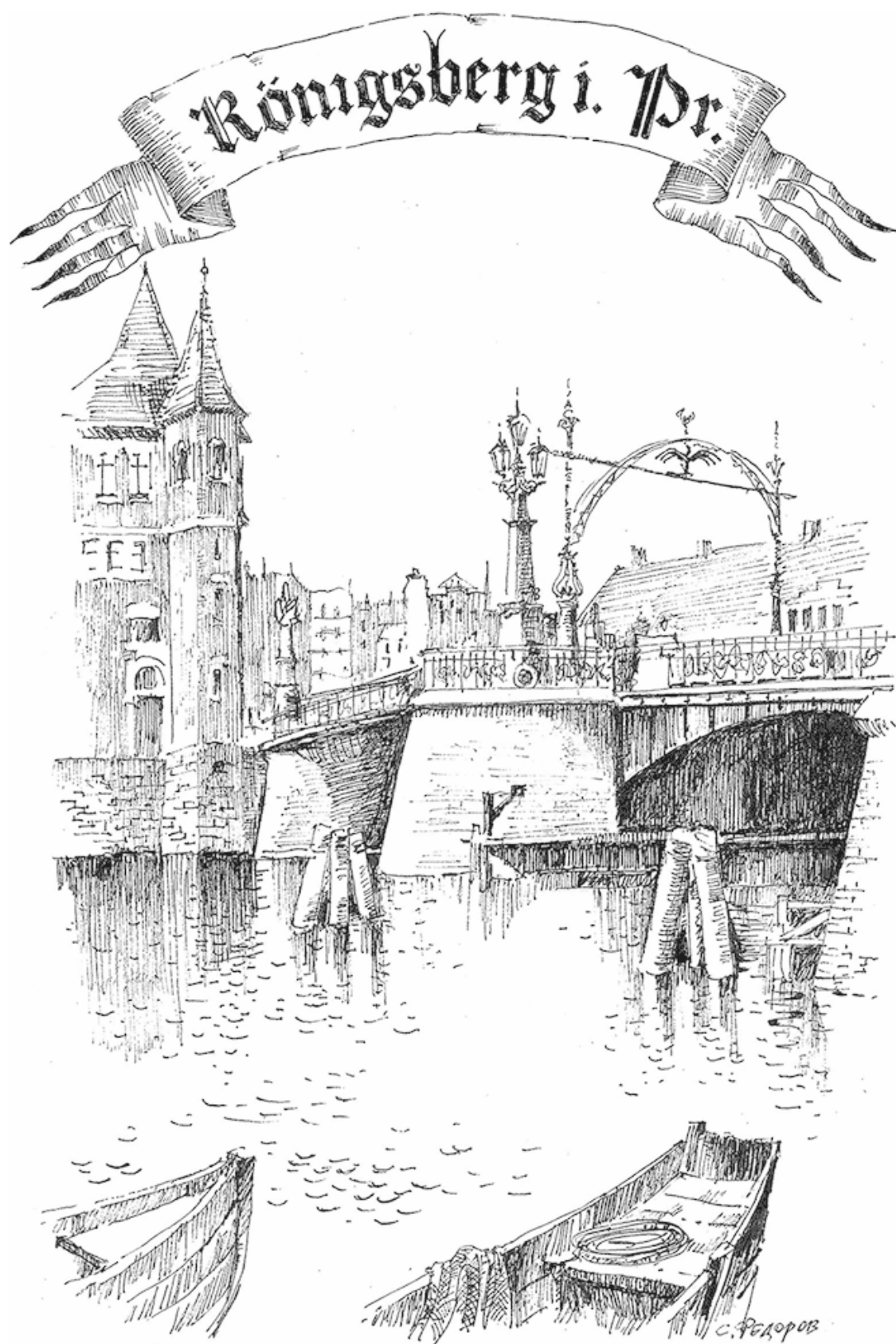
Модный магазин «Подיום» (в советское время ателье «Светлана») размещается в здании отделения городского банка. Во времена инфляции 20-х годов XX века там печатались районные (!) инфляционные деньги.

А в 1895 году там, где сейчас располагается «Горзеленхоз», было первое депо первого городского электрического трамвая. И электростанция, дававшая ему ток. Кстати, до 1912 года Хуфен относился к округу Фиршхаузен (аналог современного Зеленоградского района) и мог позволить себе определённые вольности. К примеру, в 1911 году в «Луизентеатре» на Хуфеналлее (ныне театр на Бассейной) была поставлена опера, по каким-то причинам не допущенная на сцену оперного театра в Кёнигсберге. Но... в 1912 году всё пришло к единому знаменателю.

Хауптштрассе (ныне проспект Победы), 1903 год

А сегодня – тем паче. Современные застройки почти до неузнаваемости изменили бывший Хуфен. Ещё один обломок «Атлантиды», ещё один фрагмент пространства, оставшегося лишь в воспоминаниях и мифах. И чем тускней – от времени – воспоминания, тем ярче мифы. От которых никуда не деться и которые не разобрать на кирпич. И не превратить в стройплощадки для «новых русских». Это – параллельная реальность для тех, кто способен её воспринять, – то бишь для настоящих калининградцев.

Семь мостов Кёнигсберга

Задачу Эйлера решили война и советская власть

Известно, что великий швейцарский математик Леонард Эйлер создал целое направление науки, решая задачу о семи кёнигсбергских мостах.

Зря топтать башмаки

Существует легенда, что жители Кёнигсберга любили прогуливаться по улицам трёх «слившихся» в единое целое средневековых городов: Альтштадта, Лёбенихта и Кнайпхофа, – но терпеть не могли зря топтать свои башмаки. А города эти были соединены между собой семью мостами. И вот будто бы экономные горожане однажды задумались: а можно ли пройти по всем мостам так, чтобы на каждом из них побывать лишь один раз и вернуться к месту, откуда начал прогулку?

Эйлера задача заинтересовала. «Никто ещё до сих пор не смог это проделать, но никто и не доказал, что это невозможно... Для решения недостаточны ни геометрия, ни алгебра, ни комбинаторское искусство», – так писал он своему коллеге, итальянскому математику и инженеру.

В конце концов, выстроив самый сложный алгоритм, Эйлер получил отрицательный ответ. Пройти по всем мостам лишь по одному разу и, описав круг, вернуться в исходную точку оказалось невозможным.

Лавочный, Зелёный и Кузнечный

Итак, самым старым был мост Лавочный (Кремербрюкке). Его построили в 1286 году по инициативе бургомистра Альтштадта (только что получившего городские права). Связывал он Альтштадт с островом Кнайпхоф, на котором ещё не было городского поселения.

Рядом с Лавочным мостом была построена будка – как пишется в немецких бумагах, «для складирования возможного хлама». В 1339 году мост упоминается как названный в честь святого Георга, но в 1397 году он обретает новое имя: Когенбрюкке, то есть Мост Судов (купеческие корабли назывались тогда в Ганзе когами). В 1548 году это имя стало официальным, изменившись на одну букву: Кокенбрюкке.

В 1787 году мост реконструировали. Убрали «будку для хлама». В 1900-м на месте деревянного Кокенбрюкке был сооружён новый, из металла. Он благополучно пережил войну и был снесён в 1972 году при строительстве моста Эстакадного.

Лавочный мост и старые портовые склады

Потроховый мост

Далее – Зелёный (Грюнебрюкке). Был сооружён в 1322 году через рукав реки Прегель, для того чтобы обеспечить движение из пригородов Понарта к Королевскому замку. В 1582 году сторел. Через шесть лет был построен заново, опять из дерева. В этом виде просуществовал до 1907 года, потом его заменили на металлический, был разводным. Механизм приводился в движение вручную. Войну пережил. «Приговорили» его в том же 1972-м, при строительстве Эстакадного.

В 1379-м, по инициативе альтштадтцев и по решению магистра Тевтонского ордена Винриха, был построен мост, параллельный Лавочному. Он получил название Кузнечный (Шмидебрюкке). Тоже имел при себе будку «для хлама».

К 1787 году Кузнечный мост обветшал и был заменён на новый, тоже деревянный. В металле его построили в 1846 году. Вместо будки поставили башенку для паровой установки – разводного механизма.

Во время штурма Кёнигсберга его разрушили и больше не восстановили.

Потроховый, Высокий и Деревянный

Параллельно Зелёному шёл Потроховый (Мясной) мост (Кёттельбрюкке), расположенный у скотобойни, перед зданием Биржи (ныне Дворец культуры моряков). Его соорудили в 1377 году на средства жителей Кнайпхофа, чтобы он связывал их с Форштадтом – районом складских помещений. Там, в Форштадте, вначале хранились запасы древесины для отопления.

Частично Потроховый мост был разрушен ещё до штурма города в апреле 1945-го, и его пролёты пошли на ремонт Деревянного моста (Хальцбрюкке). Деревянный цел и поныне, он связывает бывший Альтштадт с Октябрьским островом (бывшим островом Ломзе). Если присмотреться, то можно увидеть, что ковка перил различна: в одних местах её элементы – дубовые листья, в других, заимствованных с Потрохового, – колечки.

В 1377 году было получено разрешение на строительство Высокого (Хоэбрюкке) моста (соединяет Октябрьский остров с нынешней улицей Дзержинского). В конце XIX века его деревянный вариант сменился сооружением из кирпича и металла. Кстати, рядом с этим мостом – единственное на весь город уцелевшее здание подъёмных механизмов – башенка, именуемая Мостовым домиком. (Она совсем было уже заваливалась в Прегель, но несколько лет назад её восстановили.)

В 1937 году чуть восточнее был построен новый мост из металла и бетона. Именно он существует и по сей день. Правда, с той поры он не модернизировался, хотя, по плану, текущей реконструкции должны были подвергнуться все мосты Кёнигсберга.

А может, оно и к лучшему? Очевидцы вспоминают, как в 1996 году сапёры – наши, калининградские, – при ремонте Эстакадного моста взрывали бетонное покрытие толковыми шашками! Притом что конструкции этого рода очень чувствительны даже не к ударной волне, а просто к синхронному колебанию. Известен ведь случай, когда довольно крепкий мост обрушился от того, что рота солдат прошла по нему в ногу...

Императорский и Медовый

Сохранился и мост Медовый (Хонигбрюкке), построенный в 1542 году. По преданию, своим «вкусным» названием он обязан... взятке, которую будто бы получил обер-бургграф Базенраде от кнайпхофского городского совета. За разрешение на строительство моста, связующего Кнайпхоф с островом Ломзе, минуя Альтштадт. Будто бы кнайпхофцы поставили Базенраде целую бочку меда, – а рассерженные альтштадтцы прозвали их за это «медовыми лизунами».

Так или иначе, Медовый пережил Вторую мировую. И сейчас ведёт он к Кафедральному собору с улицы Октябрьской. Чуть было не прикончила его баржа под названием «Алые паруса» – помните, был такой плавучий ресторанчик на Преголе. Во время сильного ветра баржу сорвало с якоря и она протаранила носом перила моста. Аккурат по центру. Но... местные умельцы благополучно решили проблему с помощью автогена. А баржу оттащили на металлолом.

...Другие кёнигсбергские мосты появились значительно позже и к задаче Эйлера отношения не имеют.

Так, построенный в 1905 году Императорский мост (Кайзербрюкке) связывал остров Ломзе с Форштадтом. Частично мост пострадал во время войны. Один его пролёт сохранялся до середины восьмидесятых, а потом его пустили на металлолом.

Железнодорожный и Берлинский

Старый Железнодорожный мост связывал старый Южный и Восточный вокзалы с альтштадтским складским районом. В 1929 году его признали аварийным, через четыре года разобрали. А после войны первые переселенцы восстановили мост, хотя и не в прежнем виде.

Новый Железнодорожный – более известный как двухъярусный – был взорван немецкими сапёрами во время штурма Кёнигсберга. Советские сапёры «навели» его сразу после войны. Разводился он тогда, не поднимаясь вверх обеими половинками, а «разъезжаясь» в стороны путём поворота.

Кстати, именно он остался в истории советского кинематографа. В фильме «Встреча на Эльбе», который снимался в Калининграде в 1948–1949 годах, есть кадр: бывшие друзья и союзники, русские и американцы, толпятся по обеим сторонам реки – типа, Эльбы, – а американцы разводят мост, знаменуя тем самым начало холодной войны.

Так вот, в роли «моста через Эльбу» снимался наш двухъярусный. Реконструировали его в конце пятидесятых и сделали поднимающимся.

А вот Берлинский (Пальмбургский) – тот, что за посёлком Борисово, по окружной дороге в сторону Исаково, – так и застыл в «полусведённом» состоянии. Точно закоченел в судороге. Его взорвали в сорок пятом, перед штурмом.

Высокий мост

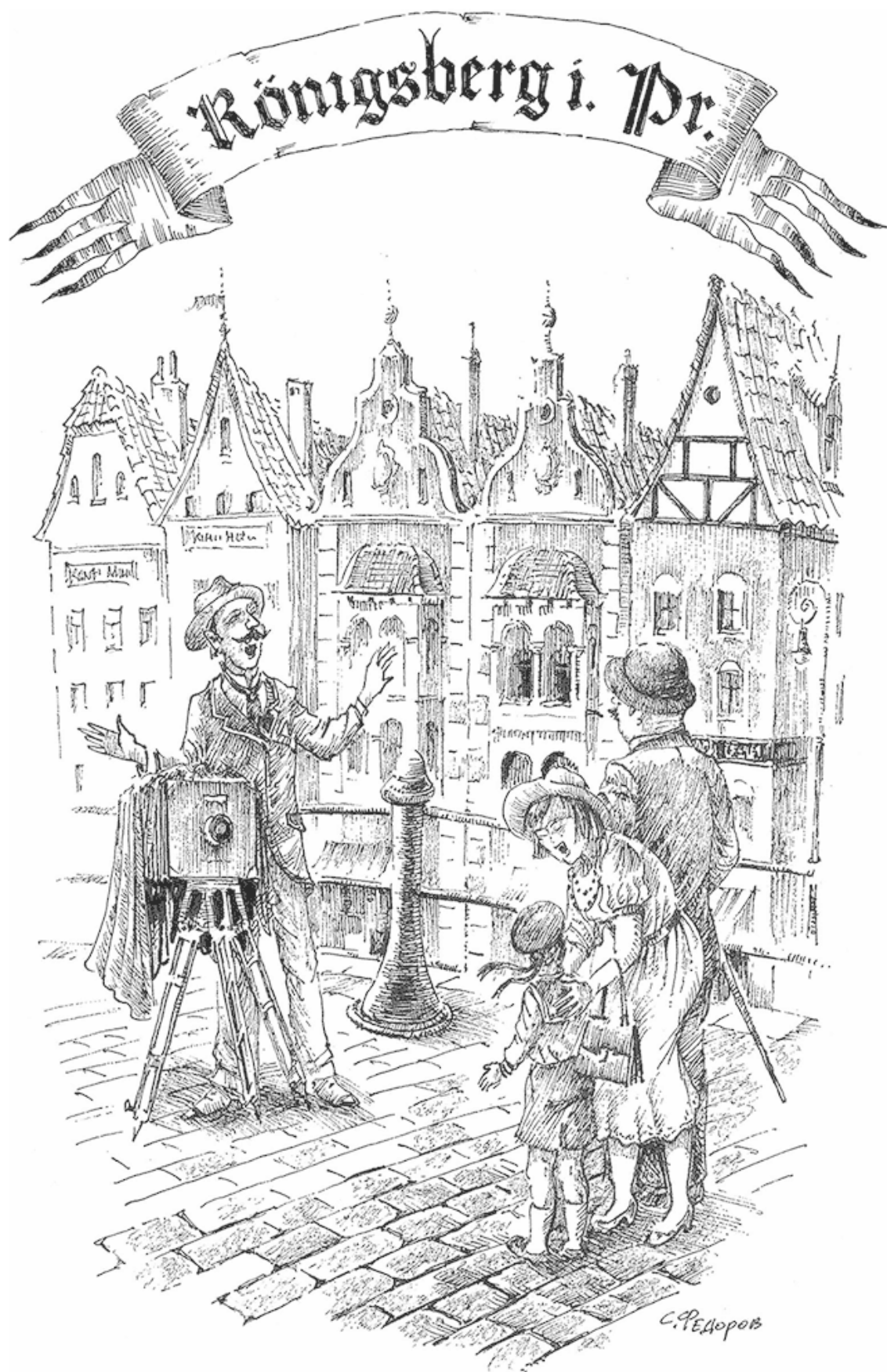
Во времена правления первого секретаря обкома КПСС Коновалова одна часть моста была сведена. Строители приступили ко второй, но из Москвы на них гневно прикрикнули: «Немецину восстанавливаете?!» В результате специальная техника была отправлена на металллом, а мост так и остался... историческим памятником. Общей кёнигсбергско-калининградской истории. Хотя восстановить его – не проблема.

Монстр поперёк проспекта

...Кстати, когда строился Эстакадный мост, ширина его проезжей части совпадала с суммарной шириной Лавочного и Кузнечного. Дешевле было восстановить два параллельных моста – Кузнечный и Потроховый – и осуществлять по ним движение. Но... тогда во всём царил гигантомания, требовались строительные объёмы.

Ещё смешнее – и трагичнее! – произошло с тем монстром, который торчит поперёк Московского проспекта. Архитекторы – авторы этого «чуда» – утверждают, что действовали на основании немецкого проекта реконструкции Кёнигсберга. На самом деле в немецких планах был предусмотрен совсем другой мост – от проспекта Калинина до Литовского Вала. А это место было выбрано исключительно из меркантильных соображений: под снос подпадало много жилых домов, людей требовалось расселять... Значит, должно было вестись новое строительство, это большой объём капиталовложений... А архитектор получал процент от вала: чем больше объём работ, тем внушительней гонорар. И вот... мы имеем то, что имеем.

...В общем, задачка Эйлера имеет сегодня совсем другое решение. По оставшимся в Калининграде мостам вполне реально описать круг, не повторяя «простые движения». Вот только... захочется ли? И дело даже совсем не в ботинках.

Каменная дамба Кёнигсберга

*Знаменитый Штайндамм превратился в крохотную улицу
Житомирскую*

Отчего бы нам «не прогуляться» по Штайндамму? Название это переводится как «каменная дамба»...

Штайндамм был первой дорогой, которая вела от Кёнигсбергского замка к богатому янтарём побережью Балтийского моря.

Язычники и король

Как известно, крещением знатных пруссов в январе 1255 года закончил богемский король Оттокар II Пршемысл свой поход в Самбию. Вот как описывает это событие Владислав Ванчура в своей книге «Картины из истории народа чешского»:

«Войско Пршемысла стоит в земле по названию Самбия. Край опустошён им. Ужас и страх гонят языческий люд к стану чешского короля; язычники бросают оружие, падают на колени, и князя их говорят:

– Мы разбиты, король. Наши селения уже не селения, они похожи на груды пепла и на песчаные дюны. Король, мы покоряемся тебе, даруй нам святое крещение, покой и мир!

Князьям отвечал гроссмейстер ордена, а король согласился стать крёстным отцом самых высокородных из язычников. Затем освятили небольшой клочок земли, нарисовали на нём образ и очертания будущего храма. Собрались священники в роскошных ризах, и нарядные дворяне, и гроссмейстер ордена, и король, и оба королевских зятя, маркграфы Мейсена и Бранденбурга. Зазвонил маленький колокол, и прусским князьям разрешено было ступить на освящённое место. Шли они с обнажённой головой, сложив ладони, без меча и пояса. Пали ниц, и священник вылил им на головы немного святой воды. После этого им вернули мечи, князья присягнули на верность гроссмейстеру.

Когда обряд закончился и им уже ответил гроссмейстер, где-то в задних рядах собравшихся возник шум.

– Кто это пришёл?!

– Посольство из Рима, монахи!

Их бороды в сосульках, шерсть их лошадей в снегу и ледяных комьях. Они дрожат от холода. Поклонились – руки в рукавах – королю, рыцарям и маркграфам. Король приветливо ответил им и спросил:

– Что нового там, на юге, в Италии?

– Дурная весть для всего христианства! Настали печальные времена, ибо осиротел трон святого Петра. Горе нам, горе! Папа Иннокентий, окружённый сонмами ангелов, стоит уже перед Престолом Господним, ликуя вместе с херувимами и святыми угодниками, мы же в горести и печали остались в этой юдоли слёз и оплакиваем его кончину».

«Запри этот край от бунтовщиков»

«Услышав это, король повелел отслужить мессу за душу умершего и, оставив войско своё гроссмейстеру, собрался в обратный путь.

– Построй укреплённое место, – наказал он гроссмейстеру, – дабы служило оно опорой тебе в случае беспорядков среди народа или дворянства. Возьми подкрепление, которое я даю тебе, и запри этот край от проникновения бунтовщиков и поносителей истинного Бога. Я же уезжаю, ибо исполнил то, что надлежало исполнить, а ты сам обязал повиноваться здешний народ.

И Пршемисл со своею дружиной, то есть с епископом Бруно, с Витеком из Градца, с Боршем из Ризенбурга и со всеми рыцарями, двинулся к Чехии».

Так на месте прусского укреплённого городища, расположенного на горе Твангсте, рыцарями Тевтонского ордена стал возводиться замок, который получил впоследствии название Кёнигсберг. Два ручья, текущие с севера на юг, огибали гору с запада и востока и делали крепость ещё более неприступной.

На северо-западе от замка появилось первое городское поселение, возникшее у янтарного тракта в Самбию.

В хрониках за 1256 год упоминается расположенная в северо-западной части этого поселения кирха Святого Николая.

Восточный ручей, имевший название Лёбебах, вскоре был перегорожен каменной дамбой, а его водяной поток пущен в замковый ров. Место, прилегающее к дамбе, тоже стали называть Штайндаммом, а кирху – Штайндаммской. У замкового рва построили мельницу. Уровень воды в ручье вырос, и он поглотил всё ущелье Лёбебаха, в результате чего появился Мельничный пруд, позже получивший название Замкового пруда (ныне – Нижний).

Во время прусского восстания в 1263 году было уничтожено первое городское поселение, разрушена кирха, но взять замок восставшим пруссам так и не удалось. Новое поселение появилось позже, южнее замка Кёнигсберг, между горой Твангсте и рекой Прегель. Оно получило в 1286 году городские права и своё название Альтштадт. В 1264 году в Альтштадте была построена новая кирха в честь прежней – Святого Николая.

«Порядо́чная церковь»

В первой четверти XIV века на месте Штайндаммской кирхи вновь было возведено ещё более массивное здание кирхи с использованием останков старых разрушенных стен.

Кирпичная башня, пристроенная с запада к кирхе, впервые упоминается в XV столетии. Сохранившаяся до 1572 года её верхняя часть в середине XIX века была обновлена. На балках алтаря имелась дата: «1670 год», которая указывала на время его сооружения. Тридцатью годами ранее появилась алтарная картина «Страшный суд» работы кёнигсбергского художника Антониуса Мёллера.

Исповедальная лавка и орган были изготовлены в более позднее время. Колокола отлиты в 1714 и 1763 годах. Интересно, что пол кирхи, как указывалось в «Путеводителе по Кёнигсбергу 1910 года», находился на четыре ступеньки ниже мостовой, которая за несколько столетий оказалась «приподнятой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.